

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Анатольевич КОМАРОВ¹
Ольга Константиновна ЛАГУНОВА²

УДК 821(470+571.1).09

ПРОБЛЕМА «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫЗОВ / ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ» И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СИБИРИ: СЛУЧАЙ А. П. НЕРКАГИ*

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4506-4027

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
eleshenka@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается стратегия реакции этноса коренных малочисленных народов Севера России (случай русскоязычного прозаика из тундровых ненцев А. П. Неркаги) на слом понимания правильности ответа (советская цивилизация) в рамках цивилизационного вызова стране. Во введении обозначаются гуманитарные подходы, применяемые в аналитике специфического функционирования территории.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Модернизационный вызов в литературе Сибири» (№ 19-012-00503).

Цитирование: Комаров С. А. Проблема «Цивилизационный вызов / правильный ответ» и художественная словесность малочисленных народов севера Сибири: случай А. П. Неркаги / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 57-72.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72

ального макрообъекта, получающего вызов. Концепция допустимости правильности/неправильности ответа, предложенная Арнольдом Тойнби (Arnold Joseph Toynbee), позволяет через сегменты больших территорий и их авторитетных субъектов (писатель как выразитель этносознания в развернутом тексте) выявить механизмы функционирования сложноорганизованных феноменов (литература империи). Это дает возможность накопления материала для создания новой социологии литературы, совершенствования ее категориального аппарата и межпредметных связей. Тематический комплекс ненормы в соотношении внутреннего и внешнего в изображении персонажей у А. П. Неркаги, представленный в заключении статьи, закрепляет исследовательскую концепцию синкретичности и традиционалистичности природы словесного творчества ненецкой писательницы и разнофазовости развития национальных литератур России, согласно выделению трехзвневой схемы в исторической поэтике. Цель статьи — описать логику поиска этносубъектом в условиях тотального кризиса предшествующей культурной матрицы восстанавливающих опорных оснований мироощущения и порождения на этой почве новой повествовательной стратегии, соответствующей глубинной органике народной культуры.

Ключевые слова

Цивилизационный вызов / правильный ответ, коренные малочисленные народы России, младописьменные литературы, Анна Неркаги, этносознание, историческая поэтика, тематизация ненормы.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72

Введение

В мировой гуманитаристике существует десять основных подходов к решению проблемы «цивилизационный вызов / правильный ответ» для территории России в качестве страны, имеющих преимущественно межпредметный характер.

Первый подход — имперско-экстенсивный — развернуто изложен на литературно-публицистическом материале в книге В. К. Кантора «Санкт-Петербург: российская империя против российского хаоса» [12]. Автор исходит из исключительной плодотворности, перспективности и безальтернативности имперского выбора/ответа России в эпоху Петра Великого, который из Санкт-Петербурга должен быть по заданному и определенному в этой столице образцу протранслирован во все точки страны-империи и в них законно утверждён как неотменяемая реальность.

Второй подход — государственно-проективный. Он развернуто представлен на материале российских литературно-бюрократических практик XVIII-XIX вв. в монографии А. Л. Зорина «Кормя двуглавого орла: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века» [8] и показывает, что для существования страны вполне достаточно динамически осуществлять на ограниченно городской территории моделируемые и поддерживаемые художественной словесностью проекты для существования госу-

дарства с доминированием определенных элитных групп, то есть «народное население» собственно извлекается из «ответа» и отчуждается от него.

Третий подход — ревизирующий ложноимперский выбор-ответ, он изложен в работах ряда московских и уральских историков, предполагающих, что в развилке второй половины XVII в. Россия могла выбрать старообрядческую парадигму развития в качестве более органичной для себя, примиряющей народ и церковь, а через церковь и армию, что предотвратило бы рост бюрократии в стране и ее диктат на протяжении XVIII-XX столетий в России [14-15].

Четвертый подход — внутриколониационный, он развивается преимущественно в работах западных славистов и транслируется в Россию через популярные публикации в «НЛО», например, книга Ю. Слезкина «Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера» [32] или работы А. Эткинды [39-41]. Данный подход подвергает сложной деконструкции российские практики колонизации конкретных сегментов внутренних территорий страны, акцентируя агрессивность переформатирования национальных культур и национальных элит малочисленных народов империи и оценивая ее в конечном счете как варварски восточный тип развития.

Пятый подход — регионально-освободительный — развивался лидерами духовной культуры Сибири («областниками»), специфичен проживанием исследователей на территории Сибири, акцентирует идеи самодостаточности, самоценности ее, просветительства и изучения, патриотического служения, неприятия колонизации, но признания исторического характера последней [42-43].

Шестой подход — альтернативно-проектный, он предлагается лидерами малочисленных коренных народов Севера (Ю. Шесталов (манси), Е. Айпин (ханты) и др.). В их логике Россия как преимущественно северная страна должна осваивать и заимствовать практики многовекового выживания северных малочисленных народов, что не только должно повысить их статус в структуре страны, но и постепенно заместить неэффективные прежние (то есть имперско-советские) практики и через это распространить языческие стандарты жизни на новые территории, видимо, потеснив иные конфессиональные сообщества и обеспечив экологический баланс природного и антропологического начал [36-37].

Седьмой подход — цивилизационно-классификаторский, предложен Арнольдом Тойнби [34]. В его рамках цивилизации рассматриваются в привязке к особенностям территории планетарного сегмента и способности давать на высшие вызовы правильные ответы, что обеспечивает выживаемость и устойчивость цивилизации. «Православно-христианская цивилизация», колонизировавшая номадические земли Сибири, обозначается одной из таковых. В Сибири исходной координатой мыслится территориальная потенция — большие реки и равнины. Как версию этого подхода можно рассматривать концепцию Л. Н. Гумилёва, где Сибирь вписывается в историю движения от Руси к России с акцентировкой пассионарного фактора, подчиняющего этнические реалии [5-6].

Восьмой подход — философско-социальный — обозначен в работах К. Маркса, исследовавшего корреляцию производственных отношений и производи-

тельных сил в рамках государств, находящихся на определенных стадиях исторического развития, и определившего Россию с ее Сибирью как азиатский тип существования. Это принципиально направляет современных аналитиков к поиску именно азиатских связей и элементов цивилизационного развития.

Девятый подход — политико-технологический, представлен работами З. Бжезинского [2], где значительные территории (государства и внутригосударственные секторы) мыслятся как элементы некой игры доминирующих в мире открытых и закрытых сил и в их интересах могут отторгаться, переопределяться, подсоединяться вне зависимости от их воли, истории, по стратегическому планированию и силовому технологическому давлению лидеров положения на планете.

Десятый подход — гуманитарно-описательный, представлен работами ряда сибирских университетских профессоров, возглавлявших коллективные исследовательские проекты (К. В. Анисимов, Н. В. Ковтун, И. И. Плеханова). Концептуальное ядро подхода — компромиссно-оправдательный характер имперского развития страны при сохранении Сибири как традиционного ресурса (материального и духовного) и поиска механизмов подключения ее к категориям евроцентричного инструментария изучения страны (утопическое сознание, традиционализм, геопространство, православие, русская духовная традиция и др.) [3, 17, 28-29, 33, 38].

В качестве вариации данного подхода (пространственно-сегментирующий) следует квалифицировать опыт академического проекта «История литературы Урала» (в IV томах, вышли два тома), осуществляемого сектором литературы Уральского отделения РАН. Его сущность — монтажно-комбинированное описание многочисленных конкретных территорий Большого Урала, его внутренняя вторичная регионализация, что создает эффект объемности, сложности и панорамности описываемого как моделируемое целое Урала — «опорного края державы», по известному определению А. Твардовского [10-11].

В основе данной статьи лежит экографический метод, разработанный авторами. Этот метод предполагает новый взгляд на природу искусства слова и текстопорождения в его рамках. Системно данный взгляд содержит несколько базовых идей. Во-первых, искусство слова здесь мыслится в качестве инструмента адаптации человека как биодуховного существа в мире, полном опасностей и сущностей «чужого». Во-вторых, задачей говорящего/пишущего субъекта становится кристаллизация в слове «своего» как безопасного, привычного, приемлемого для «своих», замкнутого и семантизированного при отделении от «чужого», которое, в свою очередь, может называться/умалчиваться/деэстетизироваться. В-третьих, искусство слова подчинено задачам выживания «своего», выявлению рисков и прямых опасностей, утверждению солидарности в прикреплении к территории проживания и ее защите от «чужих» и «чужого», трансляции опыта от поколения к поколению при нарастании ощущения сложности окружающего внутри «своего» и вовне его, и признания заслуг и авторитетности субъекта на основе убедительности решения данных задач для «своих». В-четвертых, мир и человек, к нему адаптирующийся, являются нелинейными

системами, имеющими цикло-волновую природу. В-пятых, творчество осуществляется на энергетической основе, передающейся через эстетические знаки, порождаемые ею, то есть наличествует в мире особый вид энергии творчества, и в этом заключается миссия человека в эволюции природы и смысл прихода его в биологическую цепь. Данная система идей синтезирует наработки отечественной натурфилософии (В. И. Вернадский, П. А. Сорокин, Д. И. Чижевский, Н. Моисеев, М. Ковальчук), этнологии (Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилёв, С. Я. Лурье, В. А. Тишков) и филологии (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Г. Д. Гачев, С. Н. Бройтман, М. Н. Эпштейн, М. Б. Ямпольский, И. П. Смирнов), но в своей целостности является оригинальным продуктом авторов статьи [18-21, 44].

Результаты и обсуждение

В 1970-1990-е гг. самосознание А. П. Неркаги «работало» во многом через погружение в матричные особенности культуры «советской цивилизации» [30; 31, с. 256-289] и ее трансформацию, имеющую как бы выворотный характер (случай Д. Л. Андреева [1]), но структурно и категориально зависимую от нее, то есть базовой советской культуры. Эта зависимость создавала иллюзию высвобождения, сохраняя логику особой повторности, неснятости оснований.

«Советская цивилизация» предлагала всем народам архетипическую схему. Согласно ей, герой становится общим защитником всех «своих» против всех «чужих» в новом условном исчислении времени и пространстве. Он вступает на путь избранности и жертвенности за всё новое и хорошее против всего плохого и существующего. Он готов пройти свой путь очищения мира до конца со всеми, кто решит пойти за ним по этому пути. Но следующим за ним необязательно так же пожертвовать всем имеющимся, им достаточно быть ведомыми, но верными, солидарными, понимающими цель движения.

В ситуации 1990-х гг. для А. П. Неркаги важно было найти этот пример отстранения советского, но внутри него. Опыт Д. Л. Андреева дал такую возможность. В нём были биографическое и реальное страдание на грани смерти, масштаб и жертвенность, путь письма, то есть слова, сосредоточенного на цветке (роза), и выход за границы национального (русского) через веру (неохристианство). Анна Павловна Неркаги сохранила идею цветка (с семью лепестками), направленность веры (христианство, но не традиционное, допускающее симбиоз). Она удержала путь избранности и слово как средство и знак торжества, а также монологичность, обращенную к поиску адептов — доверяющих последователей. Отсюда и чувство ее, что «Молчащий» — это «я» сама, прямая сращенность автора и героя. В результате А. П. Неркаги нашла свою новую повествовательную позицию через данное произведение и новую стратегию дальнейшего письма.

После опыт Д. Л. Андреева ей уже не был стратегически нужен, поэтому в издании «Молчащего» 2017 г. она демонстративно снимает посвящение текста «памяти убиенного Даниила Андреева», которое было в издании повести середины 1990-х гг. Ей важно было зримо и жестово освободиться от опыта «рус-

ского» и сделать открытый шаг в сторону «ненецкого», встать в позицию независимого титанизма, где есть только воля высшего Творца, без всяких посредников. Это и обеспечивало целостность нового жанрового решения, резкость принципиального выхода автора из жанрового ряда повести.

Теперь А. П. Неркаги не нужно было создавать систему персонажей и линейки событий между ними, ценностно изнутри оплотнять своих героев. Она становится и повествователем, и главным персонажем в текстах. Ее «бытовой» монологизм, фиксируемый в интервью, получает развертывание через фольклорный материал, который она постепенно накапливала в течение предыдущих десятилетий и к которому прикоснулась в живом общении с отцом, вернувшись на Север из Тюмени.

Всё, что накапливалось, стало работать, но работать в границах жанровой рамы, порожденной законами традиционалистской поэтики. Иначе говоря, это опять же высокий опыт письменной культуры — прежде всего опыт литературы средних веков и более древних образцов, образцов «поучительной прозы» [27].

С одной стороны, в интервью А. П. Неркаги вспоминает (уже весьма обобщенно) «Розу Мира»: «В „Розе Мира“ есть слова о том, что последние верные соберутся вместе на одном месте земного шара, которое будет им указано», но уже встраивает андреевский текст в логику своей мифосхемы: «И это будет Сибирь. Страна Сибирь. И место это называется Армагеддон»; «Бог придет с Севера...» [9, с. 262-263]. С другой стороны, писатель признается: «Я по утрам смотрю передачу „Слово пастыря“...» [9, с. 262], соглашается с интервьюером, что сознательно строила каждую главку «Мудрых изречений ненецкого народа» «по принципу троичности: ненецкая фраза, русский перевод и короткая притча» — «я должна писать коротко, веско и понятно» [9, с. 271]. «Это было мое желание...» — «я решила использовать тот язык, на котором говорили мои предки» [9, с. 271] — так А. П. Неркаги подтверждает свою эстетическую волю.

Более того, она ориентирует нас и в своих библейских предпочтениях: «Если бы вы знали, как я обрадовалась вашим словам, когда вы уроднили „Мудрые изречения ненецкого народа“ с „Книгой притчей Соломоновых“, потому что царя Соломона очень люблю. Я признаю его мудрость, которая должна изливаться на каждого из нас. Если бы интересовались нашим прошлым для того, чтобы быть готовым к будущему, каждый гражданин планеты Соломона цитировал бы и признавал бы его за родственника, как я сейчас» [9, с. 271]. Начало «Книги притчей Соломоновых» прямо подтвердит свою связь с названием текста А. П. Неркаги: «...чтобы понять мудрость и наставление, понять изречения разума...» [16, с. 3].

Не случайно писательница, найдя новую стратегию письма, заявляет: «... потому что я немножко в другом измерении живу, то есть, я уже тут фактически не живу» [9, с. 272]. И это позволяет ей создавать свою «поучительную прозу», как бы выходя в иное пространство, чем читатель, быть последовательной и твердой в своем наставническом измерении — эмоционально, языково, безальтернативно для читателя/слушателя. Так обеспечивается особая свобода ее высказывания, ее

композиционных построений, ее завершенных фрагментов речи, как бы присоединяющихся друг к другу по модели фольклорного сказителя.

Установка же на христианский миф концентрирует на себе кумулятивность фольклорного материала автора: «Я говорю на Его языке. У Него свой язык» [9, с. 273]. Эта уверенность создает стилевую двумерность речевого массива текста произведения, его фразовой объемности, слияния национального и универсального содержательных рядов. А. П. Неркаги удается удерживать напряжение мироощущения, хотя очевидно, что предметность фольклорного материала в тексте ограничена. Напомним признание лесного ненца Ю. К. Вэллы, сделанное нам в одной из бесед, что он специально в творческих целях изучал хантыйский фольклор как более богатый, чем ненецкий [19, с. 85].

Существенно и то, что не только в «Книге притчей Соломоновых», но и в обобщающих трудах авторитетнейших фольклористов значения «мудрости», «изречения», «пословицности» и «поговорности» сопрягаются между собой в заголовочные формулы, например: «Грамматика пословицной мудрости» или «Классификация пословицных изречений» [26, с. 9-10].

Конечно, опыт Сибири оригинален и специфичен: здесь «фактически отсутствовали социальные институты дворянства и крепостного права»; были «определенная самодостаточность» и демократизм, а недостаточность «проповеднически-монологической позиции миссионерства» здесь с XIX в. порождала «глубокую потребность реального и истинного взаимодействия христианства с иными религиями и самобытными сибирскими этносами» [24, с. 209]. Именно в этом специалисты усматривают причину «частого соединения» христианского миссионерства с общекультурным развитием края, что, «в свою очередь, нередко позицию миссионерства превращало в позицию паломничества», более того, в комплексе «всё это намечает общие исходные контуры проблемы „Сибирь и софийность“» [24, с. 209]. Опыт А. П. Неркаги в целом является сегментом и подтверждением данного феномена.

Важно и то, что аналитики текстового сознания «безмолвствующего большинства» средневекового мира доказали: «Те глубины, в которые удастся проникнуть исследователю саг, эпоса, назидательных латинских повествований, — это мифологические глубины. Миф не принадлежал исключительно архаической стадии человеческой истории, он остается содержанием человеческого сознания и в позднейшие времена, и Средневековье в этом смысле дает весьма поучительные образцы. Речь следовательно идет не о каких-то осколках фольклора, „застрявших“ в средневековой ученой литературе, а о мифе как формообразующей и смыслообразующей основе мирозерцания человека той эпохи»; «... миф не просто воспроизводился, но... вновь и заново творился» [7, с. 379].

Установка на пафосную одномерность (воспевание), на витийственное красноречие, на одопись [35] Творцу выводит текст А. П. Неркаги в обобщенный ряд «поэтических произведений эпического или героического характера», «произведений большого значения и большого творческого подъема» [25, с. 505], именуемых как «песнь».

«Песнь Творцу. Ярабц Нуму» создал автор с «вещим сердцем», то есть прозаик, обладающий особым зрением сердца — «и вперед и назад смотревшее» [23, с. 259]. Эта самохарактеристика расположена А. П. Неркаги в самом финале текста, пафосно обращенном к всевышнему: «Ждем, надеемся и верим, Творче!» [23, с. 259]. Лексическая форма («Творче») выявляет достигнутую автором степень эмоциональной и этнической свободы сотрудничества с высшим Творцом в размышлении о мире, о Земле, о бессмертии.

Социальное («была ребенком и как все дети того времени, сопливой и вечно голодной»; «дети счастливых, неголодных времен»; «старый больной поселок»; люди «совсем иные, не теперешние...» и др. [23, с. 258-259]) окончательно утоплено прозаиком в алгоритме Света Вечности. Его гарантия — это опыт Земли и Христа: «умирать и воскресать», причем делать это «так явно, так радостно, так понятно и видно» [23, с. 257]. Данный опыт теперь обозначается как общий и «бесценный», как «наш опыт», то есть опыт ненцев, «маленьких людей студеной страны — тундры» [23, с. 257].

Показательно, что все тексты А. П. Неркаги, кроме ее интервью, в 2010-е гг. лишены автором хронологических обозначений. Они создаются как бы в особом вечном времени, времени постоянном и священном, аналогичном библейскому. Здесь автор как бы уже внутренне совпал с Землей, ее законом, а через него с ней совпал и соединился народ — и совпал он сущностно и безысключительно, безвариантно.

Такова мера Слова у Неркаги в этом тексте, она обеспечивается ее личной твердостью и героизмом. С одной стороны, это итог личного пути писателя к данному слову и позиции. С другой, это возвращение к специфике наиболее архаического фольклора, в центре которого «поющие богатырские сказки» — их «классические образцы» «дает фольклор хантов, ненцев, эвенков, нанайцев, нивхов» [22, с. 697]. Они мотивируют современного ненецкого прозаика идти по пути этнического духовного богатырства, «титанизма», в ее терминологии.

Очевидно, что данный текст А. П. Неркаги типологически родственен национальным опытам западноевропейских народов в традиционалистской фазе развития их словесности («Песнь о моем Сиде», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде»), а также древнееврейским образцам (типа «Песнь Песней»).

Риторическая и жанровая (песнь) стихии ведут автора, сохраняя взаимодействие языческого (национального) и христианского (универсального) начал в тексте. С этим связана двусоставность его заглавия. Религиозно-христианское вынесено вперед, поставлено первым, но лексически подано достаточно нейтрально (Творец). Национально-языческое обозначено как дополняющее — по модели монобожия, но с этнической адресацией (Нум) и жанровым эквивалентом (Ярабц). Нум, как известно, «выступает столпом самодийской мифологии, занимает центральное место в сакральной картине мира, хотя нередко его воля преломляется в образах и действиях менее величественных фигур пантеона», его «очеловеченный» портрет, как считают ведущие специалисты, «сложился, вероятно, под влиянием фольклора» [4, с. 312]. Специфична и ненецкая традиционная песня [13].

Впервые этот текст был опубликован в 2015 г. в сборнике автора «Песнь Творцу» (Салехард — Санкт-Петербург: Изд-во Арт-Экспресс, 2015. 417 с.) тиражом 300 экземпляров. Наряду с четырьмя текстами 2000-2010-х гг. сборник включал и повесть «Молчащий». Убеждение автора, что с «Молчащего» начался новый этап ее служения в жизни и творчестве, здесь нашло свою композиционную реализацию, причем данная повесть была размещена в книге между текстами последних десятилетий. Она стала своего рода центром этого издания.

В «Избранном» 2017 г. «Молчащий» был помещен в первый том, а «Песнь Творцу. Ярабц Нуму» — во второй том. Тем самым была акцентирована хронологическая логика творчества прозаика, а также жанровая специфика его этапов: в первом томе — опыты в жанре повести, во втором томе — проза, ориентированная на мифофольклорные и традиционалистские образцы.

Заключение

Человеческий и природный миры в повестях А. П. Неркаги представлены разными героями с точки зрения их физического состояния и возможностей. Рядом с крепкими, сильными, здоровыми живут слабые, больные, изуродованные. Недуг каждого (человека или животного) либо врожденный, либо приобретенный: немота, слепота, безноготь, горбатость, физическая недоразвитость. Это мальчик Хон, волк Хромой Дьявол, собака Грехами Живущий («Илир»), дочь Хасавы («Белый ягель»). Не болезнь сама по себе акцентируется в повестях, а ощущение героя, отношение окружающих к нему. Как правило, страдающие не излечиваются, в большинстве случаев покидают земной мир. Герои-инвалиды в произведениях А. П. Неркаги не вызывают ни неприязни, ни только жалости. Автор стремится направить читателя на путь такого сострадания, когда чужая боль воспринимается на физическом и психологическом уровнях как своя собственная, когда не возникает ощущения безысходности, беспросветности, пустоты. Причем важно, чтобы сам носитель недуга был тоже лишен подобного восприятия собственной неполноценности.

Всех ущербных героев А. П. Неркаги, за исключением немой, мнимых или явных, объединяет чувство страха. Это страх перед эгоистичными, злобными близкими, перед одиночеством и старостью. Но их объединяет и то, что пусть поздно, но в жизни каждого наступает просвет. Родители начинают заботиться о Хоне, Варнэ не перед кем больше разыгрывать сумасшедшую, и она верит в возможность какой-то неведомой, но радостной жизни. Волк успел вырастить сына и отомстить людям за свою убогость. Собака обрела того, кто ее любил и заботился о ней.

В этом очевидный и характерный для младописьменных литератур России мифологизм художественного мышления писателей. В его основе народная религиозная убежденность в перетекании жизни и восстановлении порядка.

У каждого физически ущербного героя в повестях А. П. Неркаги своя история. В большинстве случаев первая половина жизни взрослого и ребенка, животного и человека отличалась определенным порядком, часто стабильностью,

и если она сулила перемены, то нередко катастрофические. Варнэ грезил о близкой свадьбе, Илир мечтал стать настоящим мужчиной, опорой семьи. Хромой Дьявол, будучи вожаком стаи, мечтал вырастить детенышей достойными наследниками. Даже у Хона, хотя и на короткое время, возникли новые обнадеживающие мысли, создающие ощущение порядка — доктора помогут, вылечат. Мир и порядок были когда-то в доме дочери Хасавы.

Череда событий всё меняет в жизни каждого, превращая изначальный порядок в хаос. Каждый, перешагивая творимую судьбой и людьми определенную черту, попадает в совершенно иной мир, калечащий дух и тело. Но страдало в основном тело, дух, несмотря ни на что, оставался во власти порядка. Возможно, именно потому для всех героев сохранилась возможность «бегства» из хаоса, возвращение к тому, что было.

Каждый свою обратную метаморфозу мог бы сопроводить фразой, начинающейся словами «я больше не...». Варнэ больше не сумасшедшая, издающая дикие звуки, неопрятно одетая старуха. Илир больше не собака, о чем он кричит в конце повести. Хон больше не хочет жить с отцом, о чем он говорит вслух матери, он больше не сдерживает себя, бросая отцу «я не люблю тебя!», он больше не вне заботы и любви. Хромой Дьявол больше не одинок, он вырастил достойного наследника. Немая больше не одна, с ней люди стойбища и радость.

В основе движения героев от изначального порядка через хаос к тому же порядку лежит мифологичность сознания автора и его народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Д. Л. Роза Мира / Д. Л. Андреев. М.: Товарищество «Клышников — Комаров и К^о», 1993. 304 с.
2. Бжезинский З. Большая шахматная игра / З. Бжезинский. М.: Астрель, 2016. 702 с.
3. Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы / под ред. И. И. Плехановой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 611 с.
4. Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор / А. В. Головнёв. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
5. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. М.: Мысль, 1993. 781 с.
6. Гумилёв Л. Н. От Руси к России: Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилёв. М.: Экспресс, 1992. 336 с.
7. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. М.: Искусство, 1990. 396 с.
8. Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла»: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века / А. Л. Зорин. М.: НЛЮ, 2001. 416 с.
9. Интервью с Анной Неркаги // Неркаги А. П. Собрание сочинений в 2-х томах. Том 2 / А. П. Неркаги. Тюмень: Русская неделя, 2017. С. 260-274.
10. История литературы Урала. Конец XIV-XVIII веков. Том 1 / под ред. В. В. Блажеса, Е. К. Созиной. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.

11. История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Том 2 / под ред. Е. К. Созиной. М.: Языки славянской культуры, 2021. Кн. 1. 664 с.; Кн. 2. 776 с.
12. Кантор В. К. Санкт-Петербург: российская империя против российского хаоса / В. К. Кантор. СПб.: РОССПЭН, 2008. 542 с.
13. Карабулатова И. С. Ненецкая традиционная песня / И. С. Карабулатова // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Том 4: А-Я. Салехард, 2006. С. 185-186.
14. Керов В. В. Православная модернизация VS механическая европеизация: ответ старообрядцев на вызовы истории / В. В. Керов // Уральский исторический вестник. 2018. № 2. С. 22-29.
15. Керов В. В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России / В. В. Керов. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2004. 654 с.
16. Книга Притчей Соломоновых. Книга Екклесиаста, или Проповедника. Книга Премудрости Соломона. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова / под ред. Т. М. Тусиной М.: Духовное преображение, 2017. 544 с.
17. Ковтун Н. В. Деревенская проза в зеркале утопии / Н. В. Ковтун. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
18. Комаров С. А. Введение в экографию: феномен живого чувства в русской лирике XIX века / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования Humanitates. 2012. № 1. С. 49-54.
19. Комаров С. А. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология / С. А. Комаров, О. К. Лагунова. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. 200 с.
20. Комаров С. А. Мастера художественного слова угро-самодийских народов России: этнопроекты, традиционализм, региональный контекст / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 127-136.
21. Комаров С. А. Особенности самоописания в творчестве русскоязычного хантыйского прозаика Е. Д. Айпина / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 109-114.
22. Мелетинский Е. М. Эпический фольклор малых народов Севера / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов // История всемирной литературы. Том 3. М.: Наука, 1985. С. 697.
23. Неркаги А. П. Собрание сочинений в 2-х томах. Том 2 / А. П. Неркаги. Тюмень: Русская неделя, 2017. 434 с.
24. Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангелический текст и художественный контекст / Е. Г. Новикова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 254 с.
25. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азъ, 1995. 228 с.
26. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Г. Л. Пермяков. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.
27. Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы / Г. Н. Поспелов. М.: Просвещение, 1971. 271 с.
28. Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия / под ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2016. 456 с.
29. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / под ред. К. В. Анисимова. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. 237 с.

30. Синявский А. Д. Основы советской цивилизации / А. Д. Синявский. М.: Аграф, 2001. 464 с.
31. Скороспелова Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго») / Е. Б. Скороспелова. М.: ТЕИС, 2003. 358 с.
32. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слезкин. М.: НЛО, 2008. 512 с.
33. Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы / под ред. И. И. Плехановой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 395 с.
34. Тойнби А. Постыжение истории / А. Тойнби. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
35. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227-252.
36. Шесталов Ю. Н. Север как фактор интеграции культуры и цивилизации / Ю. Н. Шесталов // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. СПб.: Астерион, 2002. С. 548-550.
37. Шесталов Ю. Н. Сознание Торума, сознание природы — путь спасения / Ю. Н. Шесталов. Будапешт: Гепералс, 1997. 91 с.
38. Эволюция жанров в литературе Урала XVII-XX вв. в контексте общероссийских процессов / под ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 552 с.
39. Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России / А. Эткинд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 448 с.
40. Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации / А. Эткинд // НЛО. № 59. С. 103-124.
41. Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое / А. Эткинд // НЛО. № 49. С. 50-73.
42. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н. М. Ядринцев. СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1891. 308 с.
43. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
44. Языковые стратегии русской драматургии (введение в экографию): коллективная монография / под ред. С. А. Комарова. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. 327 с.

Sergey A. KOMAROV¹
Olga K. LAGUNOVA²

UDC 821(470+571.1).09

**THE “CIVILIZATIONAL CHALLENGE / CORRECT
RESPONSE” PROBLEM AND THE ARTISTIC LITERATURE
OF THE SMALL-NUMBERED PEOPLES OF THE SIBERIAN
NORTH: THE CASE OF A. P. NERKAGI***

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
vitmark14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4506-4027

² Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
eleshenka@yandex.ru

Abstract

The article covers the reaction strategy of ethnic consciousness of the indigenous small-numbered peoples in the Russian North to the breakdown in understanding of the correctness of the response (Soviet civilization) within the civilizational challenge to the country. This overview is based on the case of tundra Nenets and a Russian-speaking prose writer A. P. Nerkagi. The article introduction presents the humanitarian approaches used in the analysis of the specific functioning of a territorial macro-object receiving a challenge. The concept devoted to the permissibility of the correctness/incorrectness of response, proposed by Arnold Toynbee, allows us to identify the mechanisms in functioning of complex phenomena (the literature of the empire) through

---

* The article was prepared within the framework of the RFBR project “Modernization challenge in the literature of Siberia” (No. 19-012-00503)

Citation: Komarov S. A., Lagunova O. K. 2021. “The ‘Civilizational Challenge / Correct Response’ Problem and the Artistic Literature of the Small-Numbered Peoples of the Siberian North: the Case of A. P. Nerkagi”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 3 (27), pp. 57-72.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72

---

segments of large territories and their authoritative subjects (the writer as an exponent of ethnic consciousness in an expanded text). This makes it possible to accumulate material for creating a new sociology of literature, improving its categorical apparatus and intersubject relations. Presented in the concluding section, the thematic complex of abnormalities in the ratio of internal and external in A. P. Nerkagi's image of the characters supports the research concept of the syncretic and traditionalistic nature of the Nenets writer's literary creativity. It also proves the existence of different phases in the development of Russian national literatures in accordance with the allocation of a three-link scheme in historical poetics. The purpose of the article is to describe the logic behind the search by an ethnosubject of restoring the supporting bases of world perception and the generation on this basis of a new narrative strategy corresponding to the deep organics of folk culture. All of this is due to such conditions where a total crisis of the previous cultural matrix is manifested.

Keywords

Civilizational challenge / correct response, indigenous peoples of Russia, literature of a language recently put into writing, Anna Nerkagi, ethnic consciousness, historical poetics, thematization of non-norm.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72

REFERENCES

1. Andreev D. L. 1993. *The Rose of the World*. Moscow: Partnership "Klyshnikov-Komarov and Co". 304 p. [In Russian]
2. Brzezinski Z. 2016. *The Big Chess Game*. Moscow: Astrel. 702 p. [In Russian]
3. Plekhanova I. I. (ed.). 2012. *Time and Creativity of Valentin Rasputin: History, Context, Prospects*. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk State University. 611 p. [In Russian]
4. Golovnev A. V. 2004. *Nomads of the Tundra: the Nenets and their folklore*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 344 p. [In Russian]
5. Gumilev L. N. 1993. *Ancient Russia and the Great Steppe*. Moscow: Mysl'. 781 p. [In Russian]
6. Gumilev L. N. 1992. *From Rus' to Russia: Essays on Ethnic History*. Moscow: Ekopros. 336 p. [In Russian]
7. Gurevich A. Ya. 1990. *Medieval World: The Culture of Silent Majority*. Moscow: Iskusstvo. 396 p. [In Russian]
8. Zorin A. L. "Feeding the eagle": *Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th — the First Third of the 19th Century*. Moscow: NLO. 416 p. [In Russian]
9. Nerkagi A. P. *Collected Works in 2 Volumes. Volume 2*. 2017. Interview with Anna Nerkagi. Tyumen: Russian Week. Pp. 260-274. [In Russian]
10. Blazhes V. V., Sozina E. K. (ed.). 2012. *The History of Literature of the Urals. The End of the 14th — 18th Century. Volume 1*. Moscow: Languages of Slavic culture. 608 p. [In Russian]
11. Sozina E. K. (ed.). 2021. *The History of Literature of the Urals. The 19th Century (Vols. 1-2)*. Moscow: Languages of Slavic culture. 1: 664 p.; 2: 776 p. [In Russian]

12. Kantor V. K. 2008. St. Petersburg: The Russian Empire against the Russian Chaos. Saint Petersburg: ROSSPEN. 542 p. [In Russian]
13. Karabulatova I. S. 2006. “Nenets traditional song”. Yamal: Encyclopedia of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Volume 4: A-Ya. Salekhard. Pp. 185-186. [In Russian]
14. Kerov V. V. 2018. “Orthodox modernization VS mechanical Europeanization: the response of Old Believers to the challenges of history”. Ural Historical Bulletin, no. 2, pp. 22-29. [In Russian]
15. Kerov V. V. 2004. “This man and his work...”: Confessional and Ethical Factors of Old Believer Entrepreneurship in Russia. Moscow: EKON-INFORM. 654 p. [In Russian]
16. Tusina T. M. (ed.). 2017. The Book of Proverbs of Solomon. The Book of Ecclesiastes, or the Preacher. The Book of Wisdom of Solomon. The Book of Wisdom of Jesus, the Son of Sirakhov. Moscow: Spiritual transformation. 544 p. [In Russian]
17. Kovtun N. V. 2009. Village Prose in the Mirror of Utopia. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Science Publishing House. 494 p. [In Russian]
18. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2012. “Introduction to ecography: the phenomenon of a living feeling in Russian lyrics of the 19th century”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, no. 1, pp. 49-54. [In Russian]
19. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2016. Literature of Siberia: Mission, Ethnicity, Axiology. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. 200 p. [In Russian]
20. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2021. “Masters of the artistic word of the Ugro-Samoyed peoples of Russia: ethnoprojects, traditionalism, regional context”. Ural Historical Herald, no. 2 (71), pp. 127-136. [In Russian]
21. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2018. “Features of self-description in the work of the Russian-speaking Khanty prose writer E. D. Aipin”. Ural Historical Herald, no. 2 (59), pp. 109-114. [In Russian]
22. Meletinsky E. M., Neklyudov S. Yu. 1985. “Epic folklore of the small peoples of the North”. History of World Literature. Volume 3. Moscow: Nauka. 697 p. [In Russian]
23. Nerkagi A. P. 2017. Collected Works in 2 Volumes. Volume 2. Tyumen: Russian Week. 434 p. [In Russian]
24. Novikova E. G. 1999. The Sophistry of Russian Prose of the Second Half of the 19th Century: the Evangelical Text and the Artistic Context. Tomsk: Tomsk University Publishing House. 254 p. [In Russian]
25. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. 1995. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: Az. 228 p. [In Russian]
26. Permyakov G. L. 2001. Proverbs and Sayings of the Peoples of the East. The Systematized Collection of Sayings of Two Hundred Peoples. Moscow: Labyrinth. 624 p. [In Russian]
27. Pospelov G. N. 1971. Problems of the Historical Development of Literature. Moscow: Prosveshchenie. 271 p. [In Russian]
28. Kovtun N. V. (ed.). 2016. Russian Traditionalism: History, Ideology, Poetics, Literary Reflection. Moscow: Flint: Nauka. 456 p. [In Russian]
29. Anisimov K. V. (ed.). 2010. The Siberian Text in the National Plot Space: Collective monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 237 p.
30. Sinyavsky A. D. 2001. Fundamentals of Soviet Civilization. Moscow: Agraf. 464 p. [In Russian]
31. Skorospelova E. B. 2003. Russian Prose of the 20th Century: from A. Bely (“Petersburg”) to B. Pasternak (“Doctor Zhivago”). Moscow: TEIS. 358 p. [In Russian]

32. Slezkin Yu. 2008. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Moscow: NLO. 512 p. [In Russian]
33. Plekhanova I. I. (ed.) 2014. Creativity of Valentin Rasputin: Answers and Questions. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House. 395 p. [In Russian]
34. Toynbee A. 1991. Comprehension of History. Moscow: Progress. 736 p. [In Russian]
35. Tynyanov Yu. N. 1977. "Ode as an oratorical genre". Poetics. The History of Literature. Cinema. Moscow: Nauka. Pp. 227-252. [In Russian]
36. Shestalov Yu. N. 2002. "North as a factor of integration of culture and civilization". Reality of the Ethnos. Education and Problems of Interethnic Communication. Saint Petersburg: Asterion. Pp. 548-550. [In Russian]
37. Shestalov Yu. N. 1997. Consciousness of Torum, Consciousness of Nature — the Way of Salvation. Budapest: Heparals. 91 p. [In Russian]
38. Alekseev V. V. (ed.). 2010. The Evolution of Genres in the Literature of the Urals of the 17th-20th Centuries in the Context of All-Russian Processes. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 552 p. [In Russian]
39. Etkind A. 2018. Internal Colonization: The Imperial Experience of Russia. Moscow: New Literary Review. 448 p. [In Russian]
40. Etkind A. 2003. "Russian literature, the 19th century: a novel of internal colonization". NLO, no. 59, pp. 103-124. [In Russian]
41. Etkind A. 2001. "Foucault and the thesis of internal colonization: a postcolonial view of the Soviet past". NLO, no. 49, pp. 50-73. [In Russian]
42. Yadrinsev N. M. 1891. Siberian Foreigners, Their Life and Current Situation. Saint Petersburg: I. M. Sibiryakov Publishing House. 308 p. [In Russian]
43. Yadrinsev N. M. 1882. Siberia as a Colony. Saint Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House. 471 p. [In Russian]
44. Komarov S. A. (ed.). 2011. Language Strategies of Russian Drama (Introduction to Ecography): Collective Monograph. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. 327 p. [In Russian]